

В. И. Исаев
Д. Ю. Михеев

Становление судоустройства и судопроизводства у малых народов Севера Сибири во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов

В статье рассмотрены проблемы становления института судопроизводства на территории проживания малых народов Севера Сибири во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. На основе архивных материалов и опубликованных источников освещены попытки использования родоплеменных структур для постепенного приобщения малых народов Севера Сибири к институтам современного общества. Показаны трудности формирования судебной системы в отдаленных северных районах Сибири.

Ключевые слова: малые народы Севера Сибири, родовые советы, судебные органы, родоплеменные структуры, нормы и обычаи традиционного общества.

Столетний юбилей революции 1917 г. в России вновь поставил вопрос о значении этого поворота в истории страны в целом, а также в истории каждого из народов в составе многонационального Российского государства. К настоящему времени при всех разногласиях в оценках советского периода утвердилось представление о том, что его главным результатом стала модернизация страны, в ходе которой осуществился переход от традиционно-аграрного к современному индустриально-урбанистическому обществу.

Серьезные перемены после революции 1917 г. начали происходить в жизнедеятельности малых народов северных окраин России, находившихся на стадии перехода от родоплеменной организации к ранним формам государственности. Учитывая специфику общественных отношений у малых народов Севера, советское руководство пыталось найти оптимальные формы и способы их приобщения к институтам современного общества.

В данной статье мы пытаемся уточнить некоторые вопросы и дополнить представление о конкретно-исторических условиях становления института судопроизводства у коренных малых народов и народностей, проживавших на Севере Сибири. Административно-территориальные границы их проживания в рассматриваемый период были не всегда ясными и определенными: географически это отдаленные, находившиеся в основном в зоне тундры территории Тобольского, или Обского, Севера (оказавшегося, несмотря на расположение в Сибири, в составе Уральской области), Енисейского и Якутского, или Ленского, Севера. Хронологические рамки охватывают вторую половину 1920-х и начало 1930-х гг. Для изучения темы привлечены архивные материалы и опубликованные источники: законодательные акты и статьи в журналах исследуемого периода.

Вопросы становления судебной власти на территориях проживания малых народов Севера Сибири нечасто затрагивались как в советской, так и в современной историографии. В целом проблема формирования органов власти на территории проживания малых народов Сибири в первые пятнадцать лет существования советского государства, как отмечает детально исследовавшая советскую и современную историографию Л. В. Алексеева, остается слабо изученной [1, с. 9]. В советский период в соответствии с идеологическими ориентирами исследователи восторженно писали о быстром и успешном переходе малых народов Севера от родоплеменной организации к социализму [15; 17; 18; 21; 25; 29]. При этом реальное положение малых народов Севера было исследовано на самом деле поверхностно, не в последнюю очередь из-за недостаточной источниково-

© Исаев В. И., Михеев Д. Ю., 2018

вой базы. Только в немногих работах упоминалось мимоходом о выполнении судебных функций туземными советами [6, с. 21], однако детального исследования проблемы не проводилось.

В постсоветской России были во многом по-новому поставлены задачи сохранения национального наследия, особенностей образа жизни малых народов Севера. Усилилось и внимание ученых к вопросам истории становления у этих народов институтов современного общества, их сочетания с нормами и обычаями традиционного общества [1; 2; 4; 22; 24]. В связи с этим недолговременное существование так называемых туземных судов также вызвало определенный интерес исследователей [1; 19]. Однако многие аспекты остаются слабо изученными, проблему рано считать в полной мере исследованной.

В 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР принято Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР. В нем отразилось стремление руководства большевистской партии и государства при административно-территориальном обустройстве этих регионов уважительно относиться к сложившимся формам общественной жизни малых народов и использовать их для постепенного перехода к современным общественным отношениям. Было решено образовать особые, так называемые туземные, органы управления, в том числе для тех малых народов и народностей, которые проживали на территориях, входивших в состав Сибирского края [27, ст. 575].

На территории Севера Сибири проживали такие коренные малые народы, как ненцы, селькупы, ханты, манси, долганы, эвенки и другие малые народности, с древнейших времен кочевавшие по обширным пространствам в отдаленных и климатически суровых регионах. Становление советской власти на этих территориях затянулось, формальное их подчинение действовавшим советам практически не затрагивало повседневную жизнь аборигенов. После принятия названного Положения в районах проживания малых народов Севера Сибири стали создаваться особые органы власти советского государства с учетом сложившейся к этому времени родоплеменной организации. К 1928 г. на Обском Севере было образовано 11 туземных райисполкомов (РИКов), 49 родовых советов; на Енисейском Севере — пять туземных РИКов, 36 родовых советов; на Якутском Севере — один туземный РИК, четыре улусных исполкома, 43 родовых совета, восемь наследных¹ советов [16, с. 205].

Создание административных органов закономерно поставило на повестку дня вопрос о формировании органов судебной власти на территориях проживания малых народов Севера. Однако было очевидно, что прямолинейное внедрение в быт народов Севера современных судебных институтов было бы малоэффективно, оно натолкнулось бы на низкий уровень грамотности и культуры, общественного развития в целом. Практика применения норм писаного права была несвойственна подавляющему большинству населения северных окраин, почти незнакомому с книжной культурой. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., среди кочевых народов только 1,2% населения обладали какими-либо началами грамотности [16, с. 204].

Необходимость особого порядка судопроизводства у народностей Севера Сибири вызывалась, помимо их отставания в социально-экономическом развитии, обширностью и отдаленностью территорий проживания. В качестве яркого примера можно привести характеристику отдаленных территорий Бирюсинского района Красноярского округа в материалах Сибирского краевого суда за 1928 г.: «Дороги почти отсутствуют. Почтового сообщения не имеется. Корреспонденция шлетяся с оказиями. Два раза в год в силу географических и климатических условий... отрезаны от районного и окружного центра, и в это время всякое сообщение с Бирюсой прерывается» [13, л. 112].

¹ Наслег — поселок или часть улуса.

Все это обусловило такое положение, когда привычное для большинства российских граждан правовое регулирование на территориях проживания малых народов и народностей Севера практически отсутствовало, жители северных окраин Сибири в своей повседневной жизнедеятельности руководствовались неписаными нормами и обычаями традиционного общества. Предпринимавшиеся еще до революции 1917 г. попытки использовать для выполнения судебных функций старейшин и богатую верхушку родов, которых царское правительство наделило некоторыми полномочиями местной власти, не смогли существенно изменить ситуацию [19, с. 16]. В таких условиях руководством страны был взят курс на постепенное внедрение в жизнь малых народов Севера правовых институтов современного общества при использовании традиционных для этих народов норм и обычаев. Слабая готовность жителей к правовому регулированию общественных отношений и отсутствие подготовленных кадров, способных работать в судебных учреждениях, заставили создаваемые на территориях проживания малых народов органы управления на первом этапе совмещать административные и судебные функции.

Следует отметить, что еще до принятия союзного и республиканского закона о так называемых туземных судах на местах шли поиски решения проблемы организации судопроизводства на отдаленных территориях проживания малых народов. Так, 1 апреля 1925 г. Президиум ЦИК Бурят-Монгольской АССР принял «Временное положение о Баунтовском туземном районе», в котором на родовой совет помимо других полномочий возлагалось и «осуществление судебных функций по обычаям своего племени» [14, с. 1246].

Также органы власти Сибирского края еще до принятия союзного закона предлагали способы осуществления судебных функций через органы управления, действовавшие на территориях проживания малых народов. Конкретные формы организации судопроизводства, которые предполагалось внедрить на территориях малых народов Севера Сибири, можно проследить на примере разработанного Сибкрайисполкомом в 1926 г. «Временного положения о туземных родовых судах Туруханского края» [7, л. 51—53]. Согласно Положению, туземные суды в крае предлагалось организовать при туземных родовых советах в составе родового судьи и двух родовых заседателей. Судья и 10 заседателей должны были избираться родовым собранием сроком на один год, затем судья утверждался в должности Туруханским райисполкомом советов.

Судоговорение должно было вестись на языке той народности или того племени, к которому принадлежали участники судебного процесса. При почти поголовной неграмотности местного населения письменное судопроизводство объявлялось необязательным, за исключением тех случаев, когда одной из сторон выступала государственная или кооперативная организация [7, л. 51].

Конечно, далеко не все новации разработанного Сибкрайисполкомом Положения оказались жизнеспособны, например, отказ от письменной фиксации судебных решений вряд ли был приемлем, но в целом его основные контуры совпали с принятыми в 1927 г. союзным и республиканским законодательными актами.

Изучением особенностей быта коренного населения и организации управления на территориях, населенных малыми народами Севера, занимался Совет по работе среди национальных меньшинств Сибири, действовавший при Сибкрайисполкоме советов. В протоколе заседания Совета, состоявшегося 26 ноября 1926 г., в числе многих других были поставлены задачи изучения обычного права малых народов и популяризации в их среде советского законодательства. Намечалось обеспечить пропаганду и внедрение юридических знаний во всех формах работы с представителями народов Севера, в частности при проведении оленеводческих, охотоведческих и рыбоводческих курсов. С це-

люю приобщения малых народов к современному судопроизводству предлагалось их активное вовлечение в деятельность института народных заседателей, причем не только в местах их кочевания и проживания, но и в населенных пунктах с русским населением [7, л. 94—95].

К изучению особенностей быта и обычаев коренных народов Сибири были привлечены силы местной интеллигенции. Например, профессором юридического факультета Иркутского университета Г. Маннсом в 1925 г. была разработана обширная программа исследования мировоззрения коренных народов Сибири, в частности формирования у них зачатков юридических взглядов в области уголовного права и суда [20].

1 июля 1927 г. ЦИК СССР принял постановление «О возложении судебных функций на туземные органы северных окраин» [26, ст. 32]. Данное постановление было развито и конкретизировано в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 14 октября 1927 г., согласно которому вводилось в действие Временное положение «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» [28, ст. 746].

Временное положение «О выполнении судебных функций органами туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» ограничивало судебные компетенции туземных судов гражданскими делами, в которых выступали только представители того рода или племени, к которому принадлежали стороны в гражданском процессе. Из их подсудности были изъяты дела, в которых одной из сторон выступало государственное или кооперативное учреждение; дела, связанные с нарушением интересов государства; дела и иски, основанные на актах и договорах, удостоверенных нотариальным порядком, и ряд других.

При рассмотрении уголовных дел судебная компетенция туземных органов управления ограничивалась категорией мелких преступлений, происходивших в повседневной жизни: оскорбление, хулиганство, кража, мошенничество, вымогательство, ростовщичество, умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего членам рода или племени. В случае же совершения убийства или других серьезных преступлений дело подлежало рассмотрению в народном суде того района, к которому относились территории проживания малых народов. При этом меры социальной защиты, применяемые органами туземного суда, не могли превышать шести месяцев лишения свободы или одного года принудительных работ. Предлагались также такие меры, как штраф, увольнение от должности, общественное порицание и возложение обязанности компенсировать вред.

Туземные РИКи выступали как суд второй инстанции по отношению к судам родовых советов, но могли выполнять роль и первой инстанции. Общий надзор за деятельностью туземных судов осуществляли народный суд и прокуратура района, к которому относились территории обитания малых народов. Народному суду предоставлялось право отмены решений и приговоров, если они «явно противоречат основным положениям советской судебной политики и прямым указаниям советских законов» [28, ст. 746].

Важно отметить, что для участников судебного процесса в туземных судах по гражданским или уголовным делам предусматривалось право потребовать переноса слушания дела в обычный народный суд; таким образом подчеркивалось, что действие советского законодательства на территории проживания малых народов ни в коей мере не может быть ограничено.

В соответствии с принятыми законами были определены местности и населенные пункты, где «в силу местных условий или кочевого образа жизни обитающих в них народностей не представляется возможность полностью осуществить общий судебный

порядок» [26, ст. 32]. В таких местностях и населенных пунктах исполнение судебных функций возлагалось на туземные органы управления. Таким образом, на Севере Сибири во второй половине 1920-х гг. туземные суды стали действовать на территории Тобольского округа Уральской области, пяти округов Сибирского края: Томского, Красноярского, Тулунского, Иркутского, Киренского, а также в Якутской АССР [9, л. 134; 10, л. 3].

Общее количество туземных судов на территориях проживания малых народов Севера Сибири формально должно было бы равняться числу действовавших туземных советов и туземных РИКов. Следовательно, по состоянию на 1928 г. в отдаленных северных районах Сибири должно было насчитываться примерно 157 туземных судов (подсчеты авторов). По данным отчетности судебных органов Красноярского округа, только на Енисейском Севере в 1930 г. действовало 55 туземных судов, из них пять при туземных РИКах [23, с. 23]. Однако формальная отчетность далеко не всегда отражала реальное положение дел.

Как отмечает известный исследователь истории Севера Сибири Л. В. Алексеева, формирование самих туземных органов управления происходило довольно поспешно и являлось во многом бюрократической процедурой, не затрагивающей по существу привычного уклада жизни аборигенов [2, с. 95; 5]. Туземные органы управления зачастую состояли из двух-трех представителей родоплеменной знати, формально называвшихся теперь родовым советом, они легко возникали и так же легко распадались. Поэтому в документах и публикациях встречаются противоречивые данные о количестве организованных туземных советов. Так, в 1928 г. на Обском Севере было образовано 11 туземных РИКов и 49 советов, а по данным на 1930 г. действовало 12 туземных РИКов и 72 туземных совета [1, с. 113, 116].

Труднорешаемой проблемой был подбор относительно грамотных и толковых людей для выполнения обязанностей в создаваемых туземных судах. К осуществлению судопроизводства приходилось привлекать наиболее авторитетных представителей туземного населения, которые и ранее входили в структуры родоплеменного управления. При слабой имущественной и социальной дифференциации среди членов родовых общин вхождение родоплеменной знати в туземные суды, видимо, представлялось партийным и советским функционерам на переходный период неизбежным. В то же время, согласно идеологическим ориентирам большевистской партии, такие люди являлись чуждыми советской власти, провозглашавшей опору на бедноту. Поэтому при формировании состава туземных судов руководившие процессом партийные органы стремились вовлечь в них беднейшую часть населения, разбавив оказавшихся там представителей родоплеменной верхушки туземного населения, а остальных обозначить как середняков. Так, из общего состава туземных судов Туруханского края Красноярского округа, включавшего в 1930 г. 175 человек, по социальному положению 12 членов суда были батраками, 93 — бедняками, 68 — середняками, двое — служащими [23, с. 23]. Поначалу в туземные суды избирались только мужчины, что определялось приниженой ролью женщины в семейном укладе малых народов Севера. Ориентация советской власти на эмансипацию женщины и достижение равноправия полов помогли появлению женщин в составе туземных судов, хотя равного представительства было бы трудно ожидать: к началу 1930-х гг. женщины составляли примерно от 5 до 10% членов туземных судов.

В условиях идеологизации всей общественной жизни в СССР партийные и советские органы усиленно внедряли в деятельность туземных судов классовый подход. В документах, регламентирующих деятельность туземных судов, подчеркивалось, что в случае привлечения к уголовной ответственности «нацмена-бедняка» туземный суд должен был особо внимательно разобрать дело, выяснить, что заставило его преступить закон. И если

окажется, что преступление было совершено «в силу нужды, бедности, голода», то в таких случаях предлагалось «совсем не налагать меры социальной защиты». И напротив, если преступление совершено зажиточным «нацменом», туземный суд должен подходить к обвиняемому как к классовому врагу и применять «особо строгие меры социальной защиты» [11, л. 224].

Неукоснительно классовый подход должен был применяться и при рассмотрении гражданских дел. В какой-то мере влияние идеологических ориентиров проявлялось в деятельности туземных судов. Так, в Туруханском крае Хатангский туземный суд, рассмотрев в 1930 г. иск Поротова к Попову, установил, что истец работал в качестве ба-трака у ответчика и за восемь месяцев получил имущества в натуральной форме только на сумму 60 руб. Истец просил туземный суд обязать Попова выдать ему имущества на сумму 220 руб. Определив социальное положение Попова как «кулака», суд не только полностью удовлетворил претензии истца, но еще и оштрафовал ответчика на 100 руб. как эксплуататора [23, с. 24].

Но надо отметить, что подобный классовый подход применялся туземными судами далеко не всегда. В действительности участники судебного процесса и сами судьи часто продолжали руководствоваться привычными для них нормами и обычаями, не понимая, что некоторые из них не могут быть признаны советской властью по идеологическим соображениям. Например, частым предметом спора по гражданским делам, рассматриваемым туземными судами, оказывалось получение калыма от жениха родственниками невесты. Так, Верхне-Тазовский родовой суд в Туруханском крае в 1930 г. удовлетворил иск Баскиной, матери невесты, к Кирикову, который при договоренности выплаты калыма в размере пяти оленей отдал только четырех. Суд обязал ответчика передать истце еще одного оленя [23, с. 24]. При этом никто из участников судебного процесса даже не вспомнил, что в СССР взимание калыма за невесту запрещено.

В числе дел, рассмотренных туземными судами, большую часть составляли иски по гражданским конфликтам. Так, по данным за 1929—1930 гг., туземные суды на Обском Севере рассмотрели 158 гражданских и 119 уголовных дел [1, с. 112]. Предметом рассмотрения в гражданском процессе чаще всего являлись тяжбы из-за оленей, конфликты из-за калыма и другие имущественные споры. Уголовные дела чаще всего возникали в результате личных конфликтов: оскорблений, побоев и т.п. В качестве меры наказания туземные суды приговаривали обычно к принудительным работам или выплате штрафа, лишение свободы применялось редко.

Количество дел, рассматриваемых туземными судами, было относительно невелико. Так, по далеко не полным сведениям, за период с 1928 по 1931 г. туземные суды на территориях проживания малых народов и народностей Севера рассмотрели около 500 дел. Учитывая отсутствие действительно налаженной и регулярной отчетности туземных судов, это число можно считать довольно условным. В любом случае оно было на порядок меньше того количества дел, которое рассматривалось в эти годы народными судами в Сибирском крае. Председатель Сибирского краевого суда М. В. Кожевников отмечал как одну из главных проблем в деятельности народных судов их колоссальную загрузку. Более 1500 дел в среднем за год приходилось на один народный суд, что совершенно несравнимо с количеством дел, проходивших через туземные суды [12, л. 24].

Реальная практика деятельности туземных судов на северных окраинах Сибири показала, что в повседневной жизни малых народов и народностей не так уж часто возникала необходимость обращения граждан к судебной защите своих интересов. Относительно редкими были случаи бытовых или имущественных конфликтов, немногочисленны были и преступления, к тому же профессиональная преступность практически отсутствовала.

Чаще сами представители малых народов и народностей или их имущество становились объектами преступных посягательств со стороны пришельцев, но тогда дело рассматривалось в народном суде в соответствии с нормами УК или ГК РСФСР. Все это обусловило слабую востребованность судебных функций органов туземного управления.

В отчете Сибкрайисполкома советов за 1930 г. в связи с характеристикой социально-экономического положения в районах проживания малых народов отмечалось: «...судебных дел в туземных РИКах самое ограниченное число. В большинстве родовых советов судебных дел совсем нет» [8, л. 94]. Подобное же положение дел отметил и пленум Президиума Верховного Суда РСФСР в своем постановлении от 20 сентября 1930 г.: «Туземные родовые советы и туземные РИК, на которые возложено несение судебной функции... местами совсем не приступают к организации судебной помощи. Туземные суды малоавторитетны в глазах населения...» [12, л. 224].

Для приобщения туземного населения к организации судопроизводства на современном уровне пленум Президиума Верховного Суда РСФСР решил ввести должность разъездных судей, которым поручались проверка и контроль деятельности туземных органов управления с целью «побуждения родовых советов... принять на себя несение судебных функций» [12, л. 222]. Также институт разъездных судей отчасти стал переходным звеном от туземных судов к действовавшим на всей территории РСФСР народным судам.

В процессе проведения административно-территориальных преобразований в начале тридцатых годов XX века и создания национальных округов происходила замена туземных советов обычными территориальными советами. 10 декабря 1930 г. Президиумом ВЦИК РСФСР было принято постановление об образовании национальных округов и районов народностей Севера. Соответственно было отменено действовавшее Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР. Ликвидация туземных органов управления означала и ликвидацию туземных судов. В течение 1931—1932 гг. туземные суды прекращали свою деятельность, а осуществление судопроизводства переходило к народным судам, создаваемым на территории национальных округов [1, с. 123; 3, с. 279].

Таким образом, в первые десятилетия существования советского государства происходило поэтапное становление судебной власти на территориях проживания малых народов и народностей Севера Сибири. Предоставление им на первом этапе возможности рассматривать гражданские и уголовные дела в органах туземного управления стало необходимым звеном в процессе встраивания институтов и норм традиционного права в советскую правовую систему. По мере укрепления советской судебной системы и расширения подготовки юридических кадров народные суды все в большей мере брали на себя функции осуществления судопроизводства на территориях, населенных малыми народами Севера Сибири. В масштабной модернизации общественных отношений, охватившей все народы России после революции 1917 г., малые народы и народности Севера Сибири получили возможность перейти от родоплеменной организации к институтам современного общества, включая и организацию судопроизводства.

Для дальнейшего исследования проблемы становления судопроизводства у малых народов и народностей Севера Сибири потребуется организация комплексного поиска архивных документов и проведение социологических и этнографических экспедиций.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 годах. Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. 264 с.
2. Алексеева Л. В. Туземные советы на Обском Севере // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : материалы V межвуз. регион. науч. конф. Омск : Омский гос. ун-т, 2003. С. 94—96.

3. Алексеева Л. В. О родовых и туземных советах в северных районах Уральской области // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 278—280.
4. Алексеева Л. В. Была ли у туземцев Севера Западной Сибири в 1920-х гг. советская власть? // Западно-Сибирское краеведение. Ишим : Изд-во ИГПИ, 2003. Вып. 5. С. 68—79.
5. Алексеева Л. В. Административно-хозяйственное управление в северных районах Уральской области (1923—1934 гг.) // Бартевские чтения. Липецк, 2000. С. 235.
6. Веселкина В. В. К истории становления Советов и суда у малых народностей Обского Севера в первой половине 1930-х гг. // Научные труды Тюменского ун-та. 1974. Т. 9. С. 4—71.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 67.
8. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 119.
9. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 269.
10. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 684.
11. ГАО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 950.
12. ГАО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 12.
13. ГАО. Ф. Р-1027. Оп. 7. Д. 2.
14. Еженедельник советской юстиции. 1927. № 40.
15. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. 334 с.
16. История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917—1937 гг. / отв. ред. Н. Я. Гушин. Новосибирск : Наука, 1983. 388 с.
17. Киселев Л. Е. От патриархальщины к социализму. Опыт КПСС по социалистическому преобразованию в национальных районах Севера. Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1974. 267 с.
18. Клещенок И. П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера. М. : Высшая школа, 1972. 239 с.
19. Кодинцев А. Я. Туземное правосудие на Тобольском Севере в первой четверти XX века // Северный регион: Наука. Образование. Культура. 2014. № 1. С. 16—21.
20. Маннс Г. Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях в области уголовного права и суда туземных народностей // Бурятияведение. 1925. № 1. С. 33—41.
21. Онищук Н. Т. Советское строительство у малых народов Севера. 1917—1941 гг. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. 159 с.
22. Перевалова Е. В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917—1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 125—133.
23. Позан Ю., Темеров Н. Туземные суды Туруханского края. (По материалам обследования) // Советская юстиция. М., 1931. № 10. С. 22—25.
24. Прибыльский Ю. П. Советизация Севера (1920—1940) // Западная Сибирь: история и современность. Краевые записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1.
25. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 569 с.
26. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1927 г. М. : Управ. делами СНК СССР, 1927. № 1.
27. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1926. М. : Управ. делами СНК РСФСР, 1926. № 73.
28. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР за 1927. М. : Управ. делами СНК РСФСР, 1927. № 3.
29. Увачан В. Н. Годы, равные векам. Строительство социализма на советском Севере. М. : Мысль, 1984. 357 с.

Поступила в редакцию 19.05.2018

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: history49@mail.ru

Михеев Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент
Новосибирский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Российская Федерация, 630114, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2
E-mail: dimamix@list.ru

UDC 94(571)“192/193”

V. I. Isaev

D. Yu. Mikheyev

Formation of legal structure and proceedings among small peoples of the Northern Siberia in the second half of the 1920th — the beginning of the 1930th

The article considers the problems of formation of judiciary institute in the territory of small peoples of the Northern Siberia in the second half of the 1920th — the beginning of the 1930th. Based on the archival materials and the published sources the authors describe the attempts to use tribal structures for gradual familiarizing of small peoples of the Northern Siberia with institutes of modern society. The paper also shows the difficulties of formation of judicial system in the remote northern Areas of Siberia.

Key words: small peoples of the Northern Siberia, patrimonial councils, judicial authorities, tribal structures, norms and customs of traditional society.

Isaev Victor Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: history49@mail.ru

Mikheyev Dmitry Yuryevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Novosibirsk Military Institute of Troops of National Guard of the Russian Federation
Russian Federation, 630114, Novosibirsk, ul. Klyuch-Kamyshevsky plateau, 6/2
E-mail: dimamix@list.ru

References

1. Alekseeva L. V. *Severo-Zapadnaya Sibir' v 1917—1941 godakh. Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo i naselenie* [North-Western Siberia in 1917—1941. National-state construction and population]. Nizhnevartovsk, Nizhnevart. ped. in-t Publ., 2002. 264 p. (In Russian)
2. Alekseeva L. V. Tuzemnye sovety na Obskom Severe [Native councils in the Ob North]. *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost': materialy V mezhvuz. region. nauch. konf.* [Social institutions in history: retrospection and reality: materials of the V interuniversity regional sci. conf.]. Omsk, Omskii gos. un-t Publ., 2003, pp. 94—96. (In Russian)
3. Alekseeva L. V. O rodovykh i tuzemnykh sovetakh v severnykh raionakh Ural'skoi oblasti [On tribal and native councils in the northern regions of the Urals region]. *Ural na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Ural on the threshold of the third millennium]. Yekaterinburg, Akademkniga Publ., 2000, pp. 278—280. (In Russian)
4. Alekseeva L. V. Byla li u tuzemtsev Severa Zapadnoi Sibiri v 1920-kh gg. sovetskaya vlast'? [Did the natives of the North of Western Siberia have the Soviet regime in the 1920s?]. *Zapadno-Sibirskoe kraevedenie* [West-Siberian regional studies]. Ishim, IGPI Publ., 2003, is. 5, pp. 68—79. (In Russian)
5. Alekseeva L. V. Administrativno-khozyaistvennoe upravlenie v severnykh raionakh Ural'skoi oblasti (1923—1934 gg.) [Administrative and economic management in the northern regions of the Urals (1923—1934)]. *Bartenevskie chteniya* [Bartenev's readings]. Lipetsk, 2000, pp. 235. (In Russian)
6. Veselkina V. V. K istorii stanovleniya Sovetov i suda u malykh narodnostei Obskogo Severa v pervoi polovine 1930-kh gg. [To the history of the formation of Soviets and courts of the small nationalities of the Ob North in the first half of the 1930s]. *Nauchnye trudy Tyumenskogo un-ta* [Scientific works of Tyumen University]. 1974, vol. 9, pp. 4—71. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of the Novosibirsk Region] (GANO). F. R-47. Op. 1. D. 67.
8. GANO. F. R-47. Op. 1. D. 119.
9. GANO. F. R-47. Op. 1. D. 269.
10. GANO. F. R-47. Op. 1. D. 684.
11. GANO. F. R-47. Op. 1. D. 950.
12. GANO. F. R-1027. Op. 6. D. 12.

13. GANO. F. R-1027. Op. 7. D. 2.
14. *Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii* [The Weekly of Soviet Justice]. 1927. no. 40.
15. Zibarev V. A. *Sovetskoe stroitel'stvo u malykh narodnosti Severa (1917—1932 gg.)* [Soviet construction among the small nationalities of the North (1917—1932)]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1968. 334 p. (In Russian)
16. *Istoriya krest'yanstva Sibiri. Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma. 1917—1937 gg.* [History of the peasantry of Siberia. The peasantry of Siberia in the period of building socialism. 1917—1937]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 388 p. (In Russian)
17. Kiselev L. E. *Ot patriarkhal'shchiny k sotsializmu. Opyt KPSS po sotsialisticheskomu preobrazovaniyu v natsional'nykh raionakh Severa* [From patriarchy to socialism. The CPSU performing the socialist transformation in the national regions of the North]. Sverdlovsk, Sr.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1974. 267 p. (In Russian)
18. Kleshchenok I. P. *Istoricheskii opyt KPSS po osushchestvleniyu leninskoi natsional'noi politiki sredi malykh narodov Severa* [The historical experience of the CPSU in implementing the Leninist national policy among the small peoples of the North]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 239 p. (In Russian)
19. Kodintsev A. Ya. *Tuzemnoe pravosudie na Tobol'skom Severe v pervoi chetverti XX veka* [Native justice in the Tobolsk North in the first quarter of the twentieth century]. *Severnyi region: Nauka. Obrazovanie. Kul'tura*, 2014, no. 1, pp. 16—21. (In Russian)
20. Manns G. *Programma po sobiraniyu materiala o narodnykh vozzreniyakh i yuridicheskikh oby chayakh v oblasti ugolovno go prava i suda tuzemnykh narodnosti* [The program for collecting material on popular views and legal customs in the field of criminal law and the court of indigenous peoples]. *Buryatievedenie*, 1925, no. 1, pp. 33—41. (In Russian)
21. Onishchuk N. T. *Sovetskoe stroitel'stvo u malykh narodov Severa. 1917—1941 gg.* [Soviet construction of small peoples of the North. 1917—1941] Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1973. 159 p. (In Russian)
22. Perevalova E. V. “Krasnaya” kolonizatsiya Obskogo Severa: revolyutsionnye preobrazovaniya i etnichnost' (1917—1930-e gg.) [“Red” colonization of the Ob North: revolutionary transformations and ethnicity (1917—1930)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2009, no. 2, pp. 125—133. (In Russian)
23. Pozan Yu., Temerov N. *Tuzemnye sudy Turukhanskogo kraja. (Po materialam obsledovaniya)* [The indigenous courts of the Turukhansk region. (Based on survey data)]. *Sovetskaya yustitsiya*, 1931, no. 10, pp. 22—25. (In Russian)
24. Pribyl'skii Yu. P. *Sovetizatsiya Severa (1920—1940)* [Sovietization of the North (1920—1940)]. *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'. Kraevye zapiski* [Western Siberia: history and modernity. Regional notes]. Nizhnevartovsk, 1998, is. 1. (In Russian)
25. Sergeev M. A. *Nekapitalisticheskii put' razvitiya malykh narodov Severa* [Noncapitalist way of development of small peoples of the North]. Moscow, Leningrad, Akad. nauk SSSR Publ., 1955. 569 p. (In Russian)
26. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR za 1927 g.* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1927]. Moscow, Upravlenie delami SNK SSSR Publ., 1927, no. 1. (In Russian)
27. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1926 g.* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1926]. Moscow, Upravlenie delami SNK RSFSR Publ., 1926. № 73. (In Russian)
28. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR za 1927* [Collection of legalizations and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1927]. Moscow, Upravlenie delami SNK RSFSR Publ., 1927. № 3. (In Russian)
29. Uvachan V. N. *Gody, ravnye vekam. Stroitel'stvo sotsializma na sovetskom Severe* [Years equal to centuries. The building of socialism in the Soviet North]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 357 p. (In Russian)